

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

18+

Алекс Серебров

Архивариус мёртвых клятв

<https://litres.ru/74636664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек может умереть за нарушенную клятву. Но что, если он никогда её не давал?

Веда Лорен, архивариус посмертных договоров, слышит последние мысли погибших. Каждое глубокое чтение открывает ей чужую правду — и навсегда стирает одно из её собственных невыполненных обещаний.

Когда в столице начинают умирать судьи, Веда находит следы невозможных клятв. Единственный, кто способен ей помочь, — Эран Вейр, бывший королевский дознаватель, чьё имя вычеркнуто из всех реестров. Его дар защищает память Веды, но его прошлое может уничтожить зарождающееся доверие.

До коронации семь дней. Кто-то собирается превратить присягу наследника в ловушку для целого города, где молчание станет согласием, а отказ — преступлением.

Чтобы спасти людей, Веде предстоит раскрыть заговор и узнать правду о смерти брата. А ещё — решить, можно ли любить человека, который действительно виновен, но готов ответить за содеянное.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алекс Серебров

Архивариус мёртвых клятв

Глава 1

Чернила на посмертных свитках пахнут иначе, чем на живых договорах. В них нет терпкой свежести дубильного орешка или уксуса, только сухой, почти металлический осадок золы и горький холод угасшей магии.

Я затушила две лампы из трёх, оставив лишь узкий круг желтоватого света на рабочем столе из морёного дуба. В подземном зале Архива мёртвых клятв время всегда текло медленнее, чем наверху, на мощёных улицах Лаверна. За толстыми каменными стенами уже наступила ночь, октябрьский туман сползал с холмов к реке, кутая город в сырость, а столица жила лихорадочным ожиданием: до коронации оставалось всего семь дней. Семь дней до момента, когда юный наследник Адриан взойдёт на трон и примет присягу королевства.

Для Палаты клятв это означало сотни проверок, бесконечные реестры и бессонные смены. Но мой отдел — посмертных и спорных обязательств — обычно стоял в стороне от предпраздничной суеты. Сюда попадали только те бумаги, чьи владельцы не дожили до истечения оговоренного срока

или пали жертвой собственного вероломства.

Тяжёлая кованая дверь скрипнула, нарушая привычную тишину. На пороге показался дежурный рассыльный в промокшей форменной накидке. С его плеч стекали мутные капли, оставляя тёмные следы на плитах пола. В руках он сжимал продолговатый медный тубус с красной лентой срочной доставки.

— Старший архивариус Лорен? — хрипло спросил он, переводя дыхание. — Срочный протокол из Верхнего суда. Доставлен полчаса назад. Велено зарегистрировать и опечатать до полуночи.

— Кто? — коротко спросила я, поднимаясь из-за стола.

— Судья Марек Ильвен. Нарушение служебной тайны и обязательства о неразглашении. Смерть наступила около восьми вечера прямо в его кабинете.

Я медленно подошла к барьеру, отделявшему рабочую зону от входа, и приняла тяжёлый футляр. Холод меди мгновенно проник сквозь тонкую ткань митенок. На сургуче тубуса красовался личный отпечаток трибунала, но пальцы сразу уловили неладное: застёжка дрожала, едва заметно вибрируя. Так вели себя только те документы, чей магический контур разрушался неправильно, с надрывом, словно клятва не хотела уходить в покой.

— Распишитесь в доставке, госпожа архивариус.

Я взяла перо, уверенным росчерком поставила дату, время и свою подпись в приходном журнале, после чего верну-

лась к столу. Щёлкнул замок, дверь за рассыльным закрылась, отрезая архив от внешнего мира. Я осталась одна в полумраке, среди бесконечных рядов высоких железных стеллажей, где спали тысячи чужих сломанных жизней.

Марек Ильвен был человеком педантичным до тошноты. Я знала его по архивным запросам: старый судебный чиновник никогда не допускал помарок, перепроверял каждую запятую и славился почти маниакальной преданностью процедуре. Мысль о том, что Ильвен мог сознательно нарушить магическую клятву неразглашения — ту самую, что выжигает сердце нарушителя за считанные секунды, — казалась чудовищной бессмыслицей. Такие люди, как он, скорее проглотили бы собственный язык, чем обронили лишнее слово.

Я срезала сургуч костяным архивным ножом. Лезвие привычно легло в ладонь, кончик большого пальца мазнул по старому тонкому шраму — памяти о первой стажировке и неосторожно вскрытом судебном пакете.

Из тубуса на сукно выскользнул лист плотной тростниковой бумаги, перехваченный свинцовой пломбой.

Стандартный формуляр служебного обета. Ровные строки казенного почерка, перечисляющие параграфы верности королевской короне и тайне судебных совещаний. Внизу — размашистая, чуть дрожащая подпись Ильвена и глубокий карминовый след свидетельской печати Палаты. Но стоило мне наклонить лист к свету лампы, как профессиональная привычка заставила сердце сжаться.

По краю свитка уже ползла серая, пепельная кайма. Когда человек погибал от нарушения клятвы, документ угасал медленно: магия уходила из волокон за сутки, оставляя бумагу хрупкой, но целой. Здесь же распад шёл с пугающей скоростью. Волокна истончались на глазах, будто лист разъедала невидимая кислота.

Но хуже было другое.

Под косым лучом лампы, сквозь плотный верхний слой тростникового листа, проступал второй. Почти прозрачный, призрачный, нанесённый чернилами, которые не должны были существовать в официальном документообороте. Это была не пометка и не черновой набросок. Бумага была двойной — два тончайших пласта, спрессованных с таким мастерством, что ни один рядовой чиновник не заметил бы подлога.

Я потянулась к увеличительному стеклу в латунной оправе. В правом нижнем углу, прямо под подписью судьи, во втором слое спал бледный, белесый оттиск круглой печати. Не судебной. Не городской. В её вязи не читалось ни одного знакомого геральдического знака Лаверна.

Документ умирал. Если волокна обратятся в прах, скрытый контур рассыплется вместе с ними, и тайна исчезнет навсегда.

Инструкция требовала ясных, выверенных действий: немедленно поместить повреждённый свиток в свинцовый саркофаг, составить акт первичной консервации и направить

служебную записку Первой регистраторше Палаты — Селене Ардис. Селена была моей наставницей, женщиной с безупречной выдержкой и железной волей, превратившей Палату клятв в самый надёжный оплот порядка в королевстве. Но сегодня Селена заседала в чрезвычайном совете при дворце, готовя списки к коронации, и вернётся не раньше утра.

К утру от второго слоя останется лишь щепотка серой пыли.

— Думай, Веда, — негромко сказала я себе, вглядываясь в тающие края бумаги. — Просто следуй процедуре.

Но процедура в этот раз вела в тупик. Если я запро документ в свинце, скрытое плетение задохнётся и сгорит без доступа воздуха. Судью похоронят с клеймом клятвопреступника. Его семья лишится прав и содержания, а в архиве появится ещё одна безликая папка с пометкой «Исполнено по закону».

Оставался один выход. Тот самый, за который архивариусов лишали мантий и отдавали под трибунал.

Глубокое чтение.

Мой дар, из-за которого двенадцать лет назад меня вообще взяли в это мрачное каменное чрево, был редким и опасным резонансом. Я могла слышать посмертное эхо. Последнюю мысль, последнее чувство, с которым человек переступал порог небытия, когда разорванная клятва останавливала его сердце. Регламент строго запрещал погружаться в документ глубже поверхностного отклика без санкции Сове-

та. Поверхностный отклик давал лишь сухое подтверждение: «Да, погибший был связан договором».

Глубокое чтение вскрывало саму суть посмертного мига. Но у этого вмешательства была цена, о которой знали лишь немногие.

За каждый глубокий спуск в чужую смерть мой собственный внутренний реестр платил дань. Я забывала одно собственное невыполненное обещание. Не текст — слова оставались в записях, если я успевала их зафиксировать. Стиралась душа обещания: его вес, тепло, необходимость, чувство долга перед тем, кому оно было дано. Ты просто смотрела на строчку в дневнике и видела мёртвые буквы, к которым твоё сердце больше не имело никакого отношения.

Я достала из кармана жилета маленькую записную книжку в потёртом сафьяновом переплёте — мою «Книгу обещаний». Пальцы сами нащупали закладку. Там было немного записей. Самые важные — те, ради которых я вообще когда-то пришла в Палату, надеясь среди закрытых фондов найти следы тех, кто погубил моего младшего брата Лева, — я берегла пуще зеницы ока. К ним прикасаться было нельзя.

Но на последней странице синели свежие чернила: «В субботу отнести старой Доре аптекарские ярлыки из травной лавки и зайти на чай».

Дора служила в архиве ещё до моего рождения, а теперь доживала век в крошечном домике у Северных ворот. Она любила мятные коврижки и старые сплетни, и я обещала ей

прийти. Это было простое, тёплое, человеческое обещание. Без магии, без печатей.

«Прости меня, Дора», — подумала я с глухой тоской, положив блокнот на край стола.

Бумага на столе зашипела, тонкая струйка серого дыма поднялась от угла свитка. Времени не оставалось.

Я сняла перчатку с правой руки, положила ладонь прямо на умирающий лист Ильвена и закрыла глаза.

Воздух в архиве мгновенно загустел, превращаясь в ледяную воду. Горло сдавило холодом, во рту появился отчётливый привкус медной стружки и соли. Магия Палаты клятв запульсировала в висках тяжёлыми, глухими ударами. Я провалилась сквозь гладкую поверхность тростникового листа, миновала поверхностный слой официальной присяги, где гудели стандартные формулы подчинения, и опустилась туда, где билась агония человека.

Обычно смерть от клятвы ощущалась как сокрушительный стыд или всепоглощающий ужас. Человек знал, что предал слово, и этот груз падал на него каменной плитой.

Но здесь не было вины.

Меня обожгло чужим недоумением. Диким, яростным, беспомощным сопротивлением человека, которого хватают за горло средь бела дня посреди собственной комнаты. Перед внутренним взором на миг вспыхнули резные панели кабинета, опрокинутая чернильница, судорожно сжатые пальцы, ломающие тонкое тростниковое перо, и последний, за-

хлёбывающийся хрип, вырвавшийся наружу перед тем, как лопнули сосуды в глазах:

«Я этого не обещал».

Не раскаяние. Не страх возмездия.

Чистый, абсолютный отказ.

Связь оборвалась с сухим треском, похожим на звук лопнувшей струны.

Меня с силой отбросило назад. Стул с грохотом отъехал по каменным плитам, я едва успела опереться о край стола, чтобы не упасть. В ушах стоял пронзительный, тонкий звон, перед глазами плыли багровые круги, а виски сжало так, словно голову сдавили чугунными тисками. Мигрень — неизбежная расплата за резонанс.

Дрожащей рукой я нащупала стакан с остывшей водой, сделала два жадных глотка и только потом заставила себя взглянуть на стол.

Верхний слой свитка Ильвена почти осыпался серой золой, обнажив сердцевину. Теперь таинственная надпись читалась отчётливо. Это была не обычная оговорка. Текст состоял из одной-единственной бесцветной строки, выдавленной в бумаге без чернил: скрытое условие подчинения, привязанное к чужой, неизвестной воле. А рядом застыл оттиск безымянной печати, которая не числилась ни в одном открытом каталоге королевства.

Но прежде чем взглянуть на него, я заставила себя опустить глаза на раскрытый блокнот.

Строчка была на месте: «В субботу отнести старой Доре аптекарские ярлыки из травной лавки и зайти на чай».

Я прочитала её один раз. Второй.

Внутри было пусто. Абсолютная, вымороженная гладь. Я понимала значение каждого слова, помнила лицо Доры, помнила запах сушёной мяты в её прихожей, но внутри не осталось ни единой искорки, которая заставила бы меня подняться и пойти туда. Обязательство умерло. Запись превратилась в сухой протокол о чужом, давнем намерении, которое больше не имело ко мне никакого отношения.

Тихий укол ужаса прошёл грудь. Сколько таких зарубок уже исчезло из моей души за годы службы? И что останется от меня самой, когда закончатся пустяковые обещания и дело дойдёт до самого главного?

Я шумно выдохнула, сжала пальцы в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, чтобы прогнать накатившую слабость, и снова повернулась к изуродованному свитку.

Судья Ильвен не нарушал тайны суда. Его убила клятва, которую он никогда добровольно не давал. Магическая система, державшаяся на незыблемом принципе осознанного согласия сторон, дала трещину. Кто-то сумел вплести смертный приговор в официальный документ так, что законный свидетельский контур признал подлог за чистую правду.

Я потянулась за чистым листом, чтобы составить тайную опись, пока остатки скрытого слоя не выцвели окончательно.

И в этот момент мороз пробежал по моей коже.

Звон в ушах начал спадать, уступая место могильной тишине подземного зала. Но зал больше не был пуст.

Тяжёлая входная дверь оставалась запертой на два засова изнутри. Ключ лежал передо мной на столе. Ни один колокольчик охранной системы на лестнице не звякнул.

Однако из темноты, из-за седьмого ряда высоких дубовых стеллажей, где хранились неразобранные дела времён гражданских мятежей, донеслось чёткое, размеренное движение.

Шорох грубой ткани о железо полок.

А затем — спокойный, едва слышный звук чужого дыхания.

Глава 2

Пальцы замерли в дюйме от края стола.

Костяной нож лежал справа, рядом с остывающей чернильницей. Медный колокольчик тревожной связи — слева, возле громоздкой конторской книги. Дёрнуть шнур означало поднять на ноги караул у внешних ворот: тяжёлые кованые решётки перекрыли бы винтовую лестницу через сорок секунд, а ещё через две минуты в зал ворвались бы шестеро стражников с обнажёнными клинками и готовыми свидетельскими цепями.

Но засов на дубовой двери оставался задвинут. Ключ от внутреннего замка лежал передо мной. Ни один охранный контур порога не вспыхнул багровым светом.

Человек за седьмым рядом стеллажей не взламывал вход. Он либо уже был здесь, когда рассыльный принёс тубус с телом клятвы, либо вошёл так, как живые люди сквозь камень и магические печати входить не способны.

— Не трогай шнур, архивариус, — произнёс голос из темноты.

Он не звучал угрожающе. В нём не было хриплой ярости уличного грабителя или надменного холода судебных дознавателей. Это был низкий, усталый голос человека, привыкшего говорить вполголоса в пустых каменных комнатах, где каждое лишнее эхо может стоять жизни.

Я не убрала руку от колокольчика. Мигрень после глубокого чтения продолжала долбить виски короткими, тупыми ударами, перед глазами всё ещё плавали мутные серые пятна, но спина мгновенно одеревенела. Я заставила себя выпрямиться, пряча слабость за привычной маской служебной невозмутимости.

— Вы находитесь в охраняемом фонде высшей категории допуска, — мой голос прозвучал ровно, сухо, именно так, как предписывал архивный устав. — Назовите ваше имя, должность и основание присутствия. Либо через десять секунд караул отрежет все выходы.

Из тени между высокими полками, где пахло столетней пылью и сырой кожей старых реестров, медленно шагнул мужчина.

Он двигался бесшумно, с той пугающей выверенной экономией каждого шага, которая бывает только у людей, годами живших под надзором или охотившихся за чужими тайнами. Высокий, широкоплечий, в тёмном шерстяном плаще без знаков различия, петлиц или гербовых пряжек. Под распахнутым воротом виднелась простая льняная рубаша, перехваченная грубым кожаным ремнём. Никакого оружия в руках — ладони были открыты, пальцы чуть расслаблены, но держались на виду.

Ему было около тридцати пяти или тридцати шести лет. Черты лица резкие, словно вытесанные из тёмного гранита, с упрямой линией челюсти и трёхдневной щетиной. Тёмные

волосы коротко острижены и тронуты дорожной пылью. Но главное было в глазах: цепких, серых, выцветших до цвета речного льда, они не скользили по комнате в панике, а за секунду оценили расположение выходов, расстояние до моего стола и угол падения света от единственной горячей лампы.

— Имени нет, — спокойно ответил он, останавливаясь ровно в пяти шагах от конторского барьера. — Должности тоже. А основание лежит у тебя под ладонью.

Он кивнул на свиток судьи Ильвена, чьи края всё ещё тлели невидимым серым жаром.

— Это собственность Палаты клятв и вещественное доказательство по делу о государственной измене, — отрезала я, не сводя взгляда с его рук. — Вы сделали шаг вперёд. Ещё один — и я подам сигнал.

Незнакомец не стал спорить. Он не сделал выпада, не попытался метнуться к столу. Вместо этого он просто выдохнул — глубоко, с едва заметным напряжением в плечах — и сделал едва уловимое движение кистью правой руки.

Воздух вокруг него дрогнул.

Это не было похоже на вспышку заклинания или гул судебной печати. Это было похоже на то, как будто из комнаты разом выкачали всё давление.

Накрывшая архив волна не принесла холода или жара — она принесла тишину. Абсолютную, неестественную, глухую тишину, в которой мгновенно угасли все звуки: стих далёкий шум осеннего дождя за водосточными трубами наверху,

замолчал треск масляного фитиля в лампе. Но страшнее и поразительнее было другое.

В ту же секунду раскалённый обруч мигрени, сжимавший мою черепную коробку, лопнул.

Звон в ушах прекратился. Мучительное посмертное эхо Ильвена — этот липкий, захлёбывающийся крик «Я этого не обещал», который продолжал резонировать в моих костях после прикосновения к бумаге, — вдруг рассыпался в прах. Боль ушла так резко, что у меня перехватило дыхание. Горло обожгло чистым, холодным воздухом.

Я опустила глаза на стол.

Серая пепельная кайма на свитке замерла. Разрушение волокон остановилось. Документ словно уснул, погружённый в ледяной покой.

— Что ты сделал?.. — вырвалось у меня прежде, чем я успела вспомнить о протоколе.

— Дал тебе возможность дышать, — произнёс мужчина. Его голос теперь звучал глухо, будто доносился сквозь плотный войлок. — И остановил распад тростникового листа. Ещё три минуты в таком темпе — и второй слой обратился бы в пыль. Ты ведь уже видела его, верно?

Он знал.

Он стоял во тьме стеллажей и видел, как я вскрыла тубус, как достала увеличительное стекло, как коснулась голой ладонью запретного контура и как заплатила за это.

Волна липкого холода прокатилась по спине. Если этот че-

ловек видел моё чтение, он держал в руках мою жизнь. Одно слово трибуналу — и старший архивариус Лорен отправится на плаху за незаконное проникновение в мёртвую память.

Но он не звал стражу. И на его лице не читалось торжества шантажиста. Только тяжёлая, выматывающая сосредоточенность. Я заметила, как дрогнули его пальцы, когда он удерживал этот купол беззвучия: у основания его большого пальца, поднимаясь к запястью, темнел страшный, бугристый шрам — след чудовищного ожога, по форме напоминающий сломанную печать.

— Кто ты? — повторила я, с силой сжимая пальцы на краю дубовой столешницы. — Живой человек не может гасить клятвенные контуры. Это нарушает первый закон свидетельства. Ничто не способно встать между словом и его карой.

— Закон действует только для тех, чьё имя есть в книге, — он криво, невесело усмехнулся краешком губ. — А меня там нет. Очень давно.

Он медленно, давая мне возможность следить за каждым миллиметром движения, сунул руку во внутренний карман плаща. Я напряглась, пальцы снова коснулись шнура колокольчика. Но вместо кинжала он извлёк узкую полоску плотной пергаментной бумаги с рваным, неровным краем.

Она была исписана мелким регистрационным шифром и перехвачена синей линией королевского курьерского тракта.

— Взгляни, архивариус, — он положил полоску на дере-

вянный барьер и отступил на шаг назад, демонстрируя, что не собирается пересекать границу. — Ты ведь умеешь отличать подлинный почерк канцелярии от подделки.

Я медлила несколько секунд. Сердце колотилось о ребра тяжёлым, размеренным молотом. В архиве пахло озоном, старыми чернилами и его плащом — сырой шерстью и холодным ночным ветром.

Не убирая левой руки от шнура тревоги, я протянула правую и подтянула полоску к свету лампы.

Пальцы мгновенно распознали фактуру: государственная бумага высшей пробы, с водяными знаками в виде переплетённых весов и меча. Такие формуляры использовались только в одном месте города — в диспетчерской Центрального реестра Палаты клятв. Это была маршрутная полоса. Срез ежедневного графика дежурств и передачи экстренных судебных протоколов.

И на ней, прямо под сегодняшней датой, значились две записи.

Первая: «Судья Марек Ильвен. Служебное обязательство верности. Смерть нарушителя зафиксирована в восемь вечера. Документ направлен в Архив посмертных клятв».

А чуть ниже, выведенная теми же самыми чернилами, рукой старшего регистратора смены, шла вторая строка:

«Судья Рем Гарт. Чрезвычайное судебное присутствие. Ночной трибунал. Активация обязательства назначена на полночь».

Я перечитала строку трижды. Буквы не расплывались. Они были чёткими, свежими, нанесёнными не больше трёх часов назад.

— «Активация назначена на полночь»?.. — пробормотала я, чувствуя, как внутри всё леденеет. — Это невозможно. Клятва не активируется по расписанию, как заведённый часовой механизм. Человек либо нарушает запрет сам, своим словом и поступком, либо контур остаётся в покое. Нельзя назначить чужую смерть к определённому часу!

— Ильвен тоже так думал, — глухо отозвался незнакомец. — Пока в восемь вечера его лёгкие не превратились в угли. Ты же слышала его, Веда. Что он сказал перед тем, как упасть лицом в собственные бумаги?

Он назвал меня по имени. Спокойно, без запинки, словно знал меня много лет.

— Откуда ты знаешь, что я слышала? — мой голос дрогнул, но я тут же взяла себя в руки.

— Потому что я знаю, как устроена пустая клятва, — ответил он, и в его серых глазах мелькнула тень такой глубокой, выжженной горечи, что слова застряли у меня в горле. — Ей не нужно твоё согласие. Ей не нужно, чтобы ты произносил слова или осознавал последствия. Ей нужен только твой след в гражданской книге, готовый свидетельский контур и чужая воля, которая нажмёт на рычаг. Они привязали условие к его служебному договору задним числом. А когда он отказался утвердить то, что от него требовали на закры-

том совещании, контур просто замкнули извне.

Это звучало как безумие. Как крушение всего, чему меня учили с первого дня службы в Палате. Вся система правосудия Эсталя, все законы и сделки королевства стояли на незыблемом камне: магия клятвы требует свободного согласия. Если согласия нет — узел распадается. Если отнять у человека право не давать слова, общество перестанет существовать, превратившись в тюрьму с живыми марионетками.

— Кто «они»? — резко спросила я. — Селена Ардис готовит королевскую присягу. В Палате нет решений, которые принимались бы без ведома Первой регистраторши. Ты обвиняешь совет трибунала?

— Я показываю тебе факт, — он указал подбородком на вырванный лист. — Взгляни на время. Сейчас без четверти одиннадцать. Через час и пятнадцать минут судья Рем Гарт сядет в кресло председателя ночного заседания. Ему положат на подпись новый чрезвычайный протокол о передаче полномочий страже. Если он откажется подписывать — он умрёт точно так же, как Ильвен. А если подпишет, его жизнь продлится ровно до тех пор, пока бумага не дойдёт до архива.

Он говорил уверенно, страшно, без малейшей рисовки.

Но архивариус во мне всё ещё требовал доказательств. Я не могла поверить человеку, возникшему из тьмы запретного зала, только потому, что его присутствие снимало головную боль. В этом мире существовали десятки ядов, иллюзий

и ментальных моков, способных заставить разум плясать под чужую дудку.

— Ты утверждаешь, что тебя нет в книгах, — медленно проговорила я. — Что твоего имени не существует.

— Проверь, — просто сказал он.

Он сделал два шага к барьеру. На этот раз я не отшатнулась.

На краю конторки, вделанная прямо в полированный дуб, темнела квадратная латунная пластина контрольного свидетельского оттиска. Через неё проходил каждый входящий в архив чиновник: стоило приложить палец, как металл вспыхивал мягким изумрудным светом, отзываясь на гражданскую запись человека в Центральном реестре, и тонкий стилус в нише стола автоматически выводил имя, чин и личный номер посетителя на контрольной ленте. Эту систему нельзя было обмануть. Она была связана с самим сердцем Большой печати.

Мужчина поднял правую руку. На его ладони, прямо по центру, вился тот самый рваный, багровый след ожога.

Он опустил ладонь на латунь.

Я затаила дыхание, ожидая, что пластина взревет багровым сигналом тревоги, оповещая о самозванце, или вспыхнет зелёным, разоблачая беглого преступника.

Ничего не произошло.

Металл остался мёртвым. Холодным. Тусклым. Стилус в нише даже не дрогнул. Латунь отреагировала на живую

плоть точно так же, как если бы на неё положили кусок сырого гранита или деревянный брусок.

Для государственной магической системы этого человека не существовало. У него не было записи о рождении, не было гражданских прав, не было клятв верности, долгов или судебных приговоров. Он был призраком из плоти и крови, шагающим по каменным коридорам столицы.

Нулевой свидетель. Человек, стёртый из мироздания чьей-то страшной, безжалостной волей.

Он убрал руку. На его бледном лице на миг проступила смертельная усталость, уголок рта дёрнулся от сдерживаемой боли.

Тишина вокруг нас задрожала, истончаясь. Свиток Ильвена на моём столе снова издал едва слышный, сухой треск, и по краю бумаги поползла тонкая струйка серого пепла.

— Моя тишина не бесконечна, — негромко произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — Каждая минута, пока я держу контур, обходится мне слишком дорого. Ты можешь ударить в колокол прямо сейчас, архивариус. Стража прибежит. Меня схватят или убьют. Свиток Ильвена запрут в свинцовый ларь до утра, где он благополучно догорит без свидетелей. Селена Ардис скажет тебе спасибо за бдительность и выпишет внеочередную премию.

Он сделал паузу. В его взгляде не было мольбы. Там был только холодный, беспощадный вызов моему собственному разуму.

— А в полночь судья Рем Гарт упадёт на пол зала ночных заседаний, хватаясь за горло. И в его предсмертном эхе ты услышишь те же самые слова.

Я стояла неподвижно, чувствуя, как внутри рушится привычный, безопасный мир, в котором я прожила двенадцать лет.

Правила говорили: бей в колокол. Зови помощь. Не верь человеку без документов, без лица и без прошлого. Процедура защищает от ошибок.

Но процедура не спасла судью Ильвена. И процедура прямо сейчас готовилась убить второго человека.

Если я позволю этому случиться, зная о маршрутной полосе, то чем я буду отличаться от тех, кто вплетал невидимую смерть в чужие служебные клятвы?

Я медленно отвела руку от шнура тревоги. Пальцы скользнули вниз, коснулись пояса, нащупывая связку служебных ключей от нижних переходов.

— Зал ночного трибунала находится на третьем ярусе Северного крыла, — мой голос прозвучал глухо, но твердо. — Парадные лестницы перекрыты караулом, меня туда не пропустят без предписания. Но за вентиляционной шахтой архива есть старый архивный подъёмник и техническая галерея для доставки старых дел. Она выходит прямо за судебскую кафедру.

Мужчина чуть заметно кивнул, словно другого ответа от меня и не ждал.

— Сколько времени займёт подъём? — спросил он.

— Двадцать минут, если не напоремся на дежурный обход, — я быстро взяла со стола свиток Ильвена, бережно обернула его плотным льняным чехлом и спрятала во внутренний карман форменной мантии. Затем погасила лампу, погружая рабочий стол во тьму. — Но если мы придём туда, а судья Гарт окажется жив и здоров, я лично сдам тебя капитану стражи.

В темноте сверкнули его ледяные глаза.

— Справедливо, — тихо ответил он, шагая к боковому выходу. — Только поторопись, архивариус. Если мы опоздаем хоть на секунду, до рассвета в живых не останется ни Гарта, ни тех, кто попытается задавать лишние вопросы.

Глава 3

Архивный подъёмник пах старой конопляной смазкой, сырым железом и вековой пылью, оседавшей на тросах с тех времён, когда Палату клятв ещё только перестраивали из старой королевской тюрьмы.

Клеть была узкой, рассчитанной на одного служителя и пару тяжёлых коробов с судебными делами. Когда я повернула ключ в навесном замке и шагнула внутрь, Эран вошёл следом без малейшего колебания. Расстояние между нами мгновенно сократилось до полушага. В замкнутом пространстве шахты я слишком остро ощущала его присутствие: холодный сквозняк от его плаща, запах мокрой шерсти и ночного Лаверна, глухое, размеренное биение чужого дыхания над моим виском.

Я взялась за просмолённый канат ручного привода, но он перехватил верёвку чуть выше моих пальцев. Его ладонь была шершавой и сухой, а бугристый шрам на запястье на долю секунды мазнул по моей манжете.

— Я сам, — негромко сказал он. — Береги руки. Тебе ещё держать перья и чужую память.

В темноте шахты его голос казался глубже, почти вибрацией камня. Чугунные противовесы скрипнули, и платформа медленно поползла вверх, сквозь толщу перекрытий между нижними хранилищами и судебными ярусами. Каждый

щелчок храповика отдавался в моих зубах мелкой дрожью. В кармане моей мантии лежал завёрнутый в лён свиток Ильвена — я чувствовала его твёрдый, холодный контур правым бедром, и это ощущение не давало забыть, на какой край я ступила.

Если нас перехватят на техническом ярусе, отговориться служебной надобностью не выйдет. Архивариусы не бродят по шахтам за полночь в компании людей, чьи ладони не будут свидетельской латуни. Меня лишат звания к рассвету.

— Почему Гарт? — спросила я шепотом, глядя на его очерченный тусклым светом профиль. Сквозь решётчатые люки вентиляции время от времени пробивались бледные полосы дежурных масляных фонарей. — Он ведёт ночные дела мелких ремесленных гильдий и земельные тяжбы. У него нет доступа к коронационным протоколам.

— Доступа нет, — отозвался Эран, не замедляя размеренного натяжения каната. — Но у него есть подпись под распределением чрезвычайных полномочий стражи в Северном округе. Чтобы передать улицы под единый присяжный надзор, Селене нужны подписи всех семи участковых судей комиссии. Ильвен отказался ещё утром. Вечером его привезли к тебе в футляре.

Семь судей. Это слово кольнуло память, но я не успела ухватиться за мысль: клеть с глухим ударом встала на упоры третьего уровня.

Мы выскользнули в узкую техническую галерею — слу-

жебный лаз для доставки архивных копий, шедший прямо над залом ночного трибунала. Здесь пахло старым дубовым паркетом, гарью свечного воска и тем особенным, кислым запахом людской тревоги, который всегда висит в судах, где приговоры выносят под покровом темноты.

Сквозь узкие зазоры резной дубовой решётки, прикрывавшей судейскую кафедру сверху, открывался весь полутёмный зал.

Было без пяти минут полночь.

Внизу горели лишь две бронзовые люстры над центральным столом. Скамейки для публики пустовали, погружённые в плотную тень. На помосте, в массивном кресле с высокой спинкой, сидел судья Рем Гарт. Он был грузным мужчиной за пятьдесят, с одутловатым лицом и редкими седеющими волосами. Его судейская мантия с серебряной каймой сидела криво, воротник был расстёгнут, а пальцы левой руки нервно барабанили по полированному дереву.

Перед кафедрой стоял не арестант. Там замер помощник старшего регистратора Палаты в форменном графитовом сюртуке. Я узнала его осанку со спины — молодой чиновник держал в руках открытую кожаную папку с красными шелковыми завязками.

— Судья Гарт, время истекает, — голос чиновника снизу звучал сухо, монотонно, как стук капель по жести. — Совет требует немедленного утверждения чрезвычайного регламента передачи надзора за Северными воротами. Коро-

нация требует единого контура безопасности.

Гарт тяжело вздохнул, его плечи поднялись и опустились.

— Я уже сказал вашему курьеру в девять вечера, — судья говорил сипло, с одышкой, но в его тоне слышалось упрямство старого крючкотвора. — Я не подпишу передачу права свидетельского ареста без резолюции гильдейского совета. Это нарушает статут города. Вы требуете, чтобы стража задерживала ремесленников по одному лишь подозрению в неверности присяге, без рассмотрения дела в суде. Моей печати под этим бредом не будет. Забирайте ваши бумаги.

Помощник регистратора не шелохнулся. Он даже не попытался спорить или уговаривать. Он лишь медленно вынул из кармана карманные часы на цепочке, щёлкнул крышкой и взглянул на циферблат.

— Ваше несогласие запротоколировано, господин судья, — тихо произнёс он.

На башне Палаты клятв гулко, тяжело ударил колокол, возвещающая полночь.

Первый удар раскатился по каменным сводам зала, заставив пламя в люстрах вздрогнуть.

— Он отказывается, — шепнула я, чувствуя, как отпускает сдавившее грудь напряжение. — Эран, он не подписал. Ничего не случилось. Документ чист.

— Смотри на него, — так же тихо, безжалостно бросил Эран, положив ладонь мне на плечо.

Его пальцы впились в ткань моей мантии с такой силой,

что мне стало больно. Но я не стряхнула руку. Мой взгляд приковало к помосту.

На третьем ударе колокола лицо судьи Гарта внезапно посерело.

Он не вскрикнул. Он просто замер с открытым ртом, судорожно втянув воздух сквозь зубы. Рука, барабанившая по столу, свело крючком, ногти со страшным скрежетом полоснули по полировке дуба, сдирая лак. Гарт дёрнулся вперед, опрокинув тяжелую бронзовую чернильницу. Густая чёрная лужа хлынула на разложенные дела, но он этого уже не видел.

Обеими руками судья вцепился в собственное горло, пытаясь разорвать воротник. Из его груди вырвался страшный, булькающий хрип — звук переламываемого сухого дерева.

Под его кожей, от ключиц к подбородку, вздулись багровые, налитые нечеловеческим жаром жилы. Это не был сердечный приступ или яд. Я слишком хорошо знала эту агонию: так рвался магический контур, когда клятва требовала своей платы.

— Сделай что-нибудь! — выдохнула я, разворачиваясь к Эрану. — Твоя тишина!.. Ты можешь остановить распад!

Эран не шевельнулся. Его челюсти сжались так, что на щеках заходили желваки, а серые глаза потемнели до цвета грозовой тучи.

— Поздно, — сказал он. — Условие уже сработало. Тишина держит документ, она может защитить живую мысль до удара, но она не склеит разорванное сердце. Контур за-

мкнулся внутри него ещё до того, как он открыл рот.

Внизу Гарт хрипнул в последний раз. Его тело выгнулось дугой, сбросило с помоста настольный пюпитр и рухнуло набок, сбив высокое кресло. Голова судьи неестественно повернулась, упёршись в ступени.

Наступила мёртвая тишина.

Помощник регистратора аккуратно закрыл свою кожаную папку, даже не взглянув на труп. Словно всё произошло в строгом соответствии с распорядком ночного заседания. Он повернулся к боковым дверям и негромко позвал:

— Караул! Старшему судье дурно. Вызовите дежурного дознавателя!

Через мгновение дубовые створки внизу распахнулись, впуская в зал шаги подкованных сапог и лязг обнажаемого железа.

— Сейчас войдет стража, — Эран наклонился к самому моему уху, его дыхание обожгло мою кожу. — Они снимут с него личные печати и опечатают судебный стол. У него на груди, под мантией, висит служебный жетон с договором вступления в должность. Тот самый, в который вшили второй слой. Если они отправят его в закрытую канцелярию Селены до первичного осмотра, ты никогда его не увидишь.

Мой мозг, ещё секунду назад оглушённый ужасом увиденной расправы, заработал с холодной, беспощадной чёткостью архивного механизма.

Второй судья за одну ночь. Тот же почерк. Та же страш-

ная, неотвратимая кара за клятву, которую человек не давал. И снова — расписание, совпавшее с точностью до секунды.

— Оставайся в тени галереи, — бросила я, уже нащупывая ступени узкой винтовой лестницы, спускавшейся прямо за кафедру. — Не выходи. Ни звука.

— Веда... — он попытался перехватить мой локоть, но я вырвала руку.

— Ты сам сказал: меня там нет, а ты здесь не существуешь. Предоставь бумагу тому, кто имеет право к ней прикасаться.

Я толкнула потайную дверь в дубовой обшивке и шагнула прямо в зал, за спину опрокинутого кресла Гарта.

В этот самый момент через главные двери быстрым, чеканным шагом вошли четверо стражников во главе с высоким офицером в начищенной кирасе с золочёным вензелем дворцовой сотни.

Капитан Дамир Рен.

Человек с безупречной выправкой, холодным взглядом ястребиных карих глаз и вьевшейся в кровь подозрительностью командира, отвечающего за безопасность королевского помоста. Он не был ставленником Селены, но закон чтит с той слепой, неумолимой прямоотой, которая делала его в равной степени опасным и для преступников, и для тех, кто искал правду в обход устава.

Его рука мгновенно легла на эфес палаша, когда он увидел меня, стоящую над телом судьи.

— Ни с места! — рявкнул он, и стражники за его спиной

вскинули короткие арбалеты. — Кто здесь?.. Старший архивариус Лорен?

Я не отступила ни на дюйм. Медленно, на глазах у всех, я опустилась на одно колено рядом с телом Гарта. Кожа судьи уже остывала, приобретая тот же пепельный, мертвенный оттенок, что и свиток Ильвена. Из распахнутого ворота торчала тонкая серебряная цепочка.

— Капитан Рен, — мой голос прозвучал удивительно ровно, с той надменной служебной сухостью, которую так ненавидели военные в чиновниках Палаты. — Нарушение государственной клятвы в расположении трибунала. Смерть наступила в результате разрыва клятвенного контура. На основании тринадцатой статьи Устава свидетельств, тело и все связанные с ним магические носители поступают в исключительное ведение Архива спорных обязательств до прибытия следственной комиссии.

Я потянула за цепочку. Из-под сукна мантии показался плоский серебряный жетон, внутри которого был заключён свернутый в трубку тростниковый лист служебной присяги Гарта.

Края футляра уже курились тонким, едва заметным дымком. Бумага внутри тлела.

— Архивариус, отойдите от тела, — Дамир подошёл ближе, не убирая ладони с оружия. Его цепкий взгляд скользнул по моему лицу, по сжатым пальцам, по приоткрытой дверце потайной лестницы за кафедрой. — Ночные судебные ин-

циденты фиксирует дворцовая стража. Откуда вы здесь взялись? Ваш архив заперт с десяти вечера.

— Я проводила экстренную сверку по делу Ильвена, — солгала я, не моргнув глазом, глядя ему прямо в переносицу. — Документ Ильвена показал аномалию контура. Регламент обязывает старшего резонатора проверить связанные с ним посты Северного округа при первом сигнале дежурного колокола. Я воспользовалась архивным ходом. Если вы задержите изъятие ещё на две минуты, капитан, магический носитель обратится в прах, и вы будете объяснять Совету, почему доказательство измены было уничтожено в вашем присутствии.

Это был блеф, выверенный до последнего слова. Дамир ненавидел бумажную волокиту и ещё больше ненавидел брать на себя вину за утерянны чиновниками улики.

Он замер, нахмутив густые брови. Взгляд его скользнул вверх — к тёмной резной решётке галереи.

Моё сердце пропустило удар. Там, в чернильной темноте балок, стоял человек без имени. Если Эран сделает хоть одно неверное движение, если скрипнет старая половица...

Но сверху не донеслось ни звука. Тишина стояла плотная, неестественная, словно сама тьма проглотила галерею. Эран держал свой купол.

— Забирайте носитель, госпожа Лорен, — медленно, с явной неохотой процедил Дамир. — Но вы не покинете это крыло без конвоя. Слишком много совпадений для одной

ночи: два судьи, один и тот же округ, и вы, появляющаяся из стен раньше караула.

— Моё право зафиксировано в протоколе, капитан, — я с усилием переломила хрупкую свинцовую пломбу на цепочке жетона и спрятала серебряный футляр в глубокий карман мантии, рядом со свитком Ильвена. Металл обжёг бедро глухим, вибрирующим жаром. — Я буду в третьей исследовательской комнате малого архива. Составлять акт консервации.

— Мы проводим вас, — отрезал Рен и сделал знак двоим солдатам.

Через десять минут, заперев за собой тяжелую дубовую дверь исследовательской комнаты нижнего яруса и выставив стражу в коридоре, я наконец смогла выдохнуть. Воздух вырвался из лёгких с хриплым, прерывистым стоном. Колени подогнулись, и мне пришлось опереться о край длинного деревянного стола, чтобы не осесть на пол.

Я сделала это.

Я скрыла государственного преступника. Я солгала капитану королевской стражи в лицо, воспользовалась служебными привилегиями для сокрытия улик и украла документ прямо из-под носа караула. Каждое из этих действий по законам Эсталя каралось каторгой или выжиганием гражданского имени из книг. Пути назад больше не было. Та Веда Лорен, что верила в непогрешимость регламентов и святость процедуры, умерла сегодня ночью вместе с судьёй Гартом.

Вентиляционная решётка под потолком комнаты глухо звякнула.

Тень бесшумно скользнула вниз, мягко спружинив на каменные плиты пола. Эран выпрямился, откинул капюшон плаща и подошёл к столу. На его бледном лице не было торжества — только суровое, сосредоточенное напряжение.

— Ты рисковала головой, — тихо сказал он.

— Я спасала доказательства, — огрызнулась я, доставая из карманов оба документа. Руки мелко дрожали, но я заставила себя расправить свитки на столе. — Зажигай тишину. Быстро. Гарт сгорает.

Эран молча положил правую руку с багровым ожогом на край столешницы. Пространство вокруг нас снова сжалось, звуки шагов дежурного караула за дверью утонули в вязком безмолвии, а тление серебряного жетона судьи замерло.

Я извлекла обугленный тростниковый лист Гарта, развернула его рядом со свитком Ильвена и поднесла увеличительное стекло к нижним полям обоих документов.

Первый слой у них был разным: у Ильвена — обязательство судебной тайны трибунала, у Гарта — присяга участкового судьи Северных ворот. Но стоило направить луч настольной лампы под косым углом, как призрачные, скрытые волокна проступили с пугающей ясностью.

Второй слой. Та же самая бесцветная, выдавленная в толще листа строка подчинения чужой воле. Тот же невидимый белесый контур без чернил.

Но самое страшное открылось, когда я сдвинула пальцем карминовые свидетельские оттиски на обоих свитках.

В правом верхнем углу каждого документа, чуть выше официальной судебной вязи, едва заметной крапчатой перфорацией был пробит архивный шифр. Четыре косые черты, перечёркнутые двойной дугой.

Я вгляделась в стекло, чувствуя, как мороз сковывает внутренности.

Номер дела совпадал до последней точки.

Это было не два разрозненных судебных решения. И не два случайных нарушения. Обе клятвы были привязаны к одному и тому же закрытому фонду специального хранения — делу, опечатанному тринадцать лет назад, доступ к которому имел только один человек во всём королевстве.

Первая регистраторша Палаты Селена Ардис.

И каталог этого фонда открывался только утром, с первым лучом солнца и поворотом золотого ключа канцелярии.

Глава 4

Смежная с исследовательской комнатой переплётная мастерская пахла вываренным костным клеем, льняным маслом и старой телячьей кожей.

Здесь не было парадного блеска верхних залов и давящего величия судейских палат. Вдоль глухой каменной стены тянулся тяжёлый дубовый верстак, обитый потемневшим от времени цинком. На полках рядами застыли чугунные винтовые прессы, пузатые глиняные горшки с густым клеем, стопки серого картона и мотки суровых вощёных нитей. За зарешёченным слуховым окном под самым потолком стояла глухая, сырая предутренняя тьма. Где-то в коридоре за двумя дубовыми дверями мерно шагал стражник Дамира Рена — каблуки его кованых сапог отбивали секундный ритм по каменным плитам, напоминая, что мы заперты на коротком поводке.

Оба свитка лежали на цинковом листе верстака.

Слева — обугленный по краям документ судьи Марека Ильвена. Справа — ещё теплый, пахнувший свежей гарью тростниковый лист судьи Рема Гарта, извлечённый из серебряного нагрудного жетона. И в углу каждого, прямо над бледными карминовыми пятнами свидетельских знаков, красовался один и тот же пробитый перфорацией шифр: четыре косые черты, перечёркнутые двойной дугой.

Эран протянул руку к свитку Гарта.

Его длинные, испачканные сажей пальцы замерли в дюйме от хрупкого края бумаги. Я среагировала быстрее, чем успела подумать: ладонь легла плашмя на костяной архивный нож, и лезвие с сухим щелчком прижало оба листа к металлу столешницы.

— Не прикасайся, — мой голос прозвучал тихо, но в нём звенела сталь, выкованная за двенадцать лет службы. — Оригиналы остаются у меня. Ты не унесёшь из этой комнаты ни клочка.

Он медленно поднял глаза. В полумраке мастерской, освещённой лишь единственной оплывающей свечой в жестяном подсвечнике, его взгляд казался почти прозрачным, цвета речного льда перед ледоставом. На резких скулах залегли глубокие тени. Он держал свою тишину больше часа, пока мы пробирались сквозь переходы и караулы, и я видела, чего это ему стоило: тонкая ниточка засохшей крови у левого крыла носа, едва заметная дрожь в плечах и серая бледность кожи.

— Ты до сих пор думаешь, что я пришёл их украсть, архивариус? — негромко спросил он.

— Я знаю, что ты вошёл в мой архив сквозь закрытые замки, назвался призраком и показал мне расписание убийств, — я не убрала нож. — Ты человек без имени. По законам Эсталя ты вне закона, вне прав и вне доверия. Единственная причина, по которой я не позволила Дамиру заковать тебя в

цепи прямо в зале трибунала — это шифр на этих листах.

— Нет, Веда, — он чуть качнул головой, и кривая, горькая усмешка коснулась его губ. — Не единственная. Ты не сдала меня, потому что своими глазами видела, как умер Гарт. Ты видела, что закон, которому ты молилась всю сознательную жизнь, превратился в петлю. И ты понимаешь, что в одиночку против этой петли не выступишь.

Слова обожгли меня сильнее, чем жар тлеющего свитка. Потому что он был прав.

Вся моя безупречная архивная броня, сотканная из параграфов, циркуляров и должностных инструкций, рассыпалась в прах за одну полночь. Я нарушила устав, проведя глубокое чтение. Я солгала капитану королевской сотни. Я укрывала государственного беглеца. Но признать это вслух перед ним значило отдать ему власть над собой. А этого я допустить не могла.

— Нам нужен договор, — сказала я, глядя ему прямо в переносицу.

Эран опустил руки на край верстака. Его правая ладонь легла на цинк ожогом-печатью вниз, пряча багровый рубец.

— Договор? — в его голосе проскользнула сухая насмешка. — Принести свидетельскую чашу? Разлить сургуч? Или, может, поклянёмся жизнью наследника? Ты ведь знаешь, что со мной клятвы не работают. Моё слово не связывается магией.

— Без магии.

Я убрала нож со свитков, аккуратно свернула оба документа в плотные трубки и спрятала их обратно в глубокие внутренние карманы своей форменной мантии. Затем застегнула медные пуговицы до самого горла.

— Никаких свидетельских камней. Никаких печатей и крови. Обычный человеческий сговор. Тот самый, за который люди отвечают собственной совестью, а не страхом выжженного сердца.

Эран помолчал. Несколько долгих ударов сердца он просто смотрел на меня, словно заново оценивая женщину, стоявшую напротив него в помятой архивной мантии с испачканными сажей манжетами.

— Назови свои условия, — произнёс он наконец, и насмешка исчезла из его тона без следа.

— Первое, — я сделала шаг вперёд, сокращая разделявшее нас расстояние до ширины верстака. — Документы остаются у меня. Ты получаешь только номер фонда, записи и те выписки, которые я сочту нужными для расследования. Ни один подлинник в твои руки не перейдёт.

— Согласен, — кивнул он без колебаний. — Они твоя страховка. Я бы на твоём месте поступил так же.

— Второе, — я глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный ком подкатывает к горлу. Воспоминание о том, как его присутствие выключило мою мигрень, до сих пор отзывалось внутри странной, пугающей тягой. Это облегчение было слишком сладким, слишком совершенным — и потому

смертельно опасным. — Твоя способность. Ты никогда, ни при каких обстоятельствах не применяешь свою тишину ко мне без моего прямого, ясного согласия.

Эран нахмурился, его брови сошлись к переносице.

— Я снял твою боль, Веда. Ты едва держалась на ногах после глубокого чтения Ильвена.

— Ты вторгся в моё восприятие! — мой голос сорвался на свистящий шёпот, и я подалась вперёд, упираясь ладонями в край стола. — Ты отключил мои чувства, не спросив меня! В твоей тишине я была беспомощна, как кукла. Ты мог забрать свиток, свернуть мне шею или внушить любую ложь, пока мой разум плавал в твоём обезболивающем тумане. Боль — это мой рубеж. Это напоминание о цене, которую я плачу за память. Если ты заберёшь её без спроса, я потеряю себя.

Он замер. В его серых глазах мелькнуло что-то сложное, похожее на глухое уважение, смешанное с застарелой усталостью. Он не стал оправдываться или спорить.

— Единственное исключение, — тихо добавил он. — Если твоей жизни будет угрожать прямая смерть от чужого контура.

— Только если на кону стоит немедленная смерть, — подтвердила я, закрепляя границу. — В любой другой ситуации — ты держишь своё поле при себе.

— Принято, — ответил Эран. — Теперь третье?

— Третье касается тебя, — я пристально взгляделась в его лицо, пытаюсь уловить малейшее движение зрачков или на-

тяжение мышц. — Ты не скрываешь от меня ни единого факта, который меняет мой личный риск. Если ты знаешь, кто отдаёт приказы, где расставлены ловушки или какую цену Палата потребует за наше вмешательство — ты говоришь мне прямо. Без недомолвок, без утайки во имя «моего блага». Мы идём вслепую, и я не стану прикрывать спину человеку, который ведёт меня на плаху в качестве разменной монеты.

На мгновение в мастерской воцарилась тяжёлая, давящая тишина — обычная, человеческая тишина, нарушаемая лишь капаньем воды в дальнем углу и отдалённым шагом часового.

Эран не отвёл взгляда. Но я заметила, как на долю секунды дрогнули его пальцы, сжавшись на цинковом краю, а челюсти сомкнулись с едва слышным скрипом. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы моё архивное чутьё забило тревогу. Он что-то держал за зубами. Какую-то тяжесть, которая лежала глубже сегодняшних смертей и королевской коронации.

— Я не стану использовать тебя втёмную, Веда, — наконец произнёс он с предельной, веской раздельностью. — Если тебе будет грозить удар из-за того, что знаю я, я предупрежу тебя раньше, чем он опустится. Даю слово.

Обычное человеческое слово. В мире, где клятвы выжигали плоть, оно казалось тонкой паутиной над бездной. Но сейчас у нас не было ничего другого.

— А твои условия? — спросила я.

— Доступ, — коротко бросил он. — Мне нужен доступ к закрытому фонду, на который указывает этот шифр. И возможность покинуть здание до того, как Селена Ардис вернётся из дворца с расширенными полномочиями.

— Договорились.

Я не протянула ему руку для рукопожатия, и он не сделал шага навстречу. Мы просто зафиксировали невидимую черту, переступать которую не имел права ни один из нас.

Следующие два часа прошли в тягучем, полусонном ожидании рассвета.

В крошечной умывальной нише за верстаком я смыла с лица и рук серую копоть сгоревших свитков. Ледяная вода из медного крана обожгла кожу, окончательно выметая остатки ночного дурмана. Я перевязала распутившиеся тёмно-русые волосы строгой шелковой лентой, насухо вытерла пальцы и привела в порядок форменную мантию архивариуса. Эран сидел на низком деревянном ящике из-под обрезков кожи, прислонившись затылком к сырому камню стены, и неподвижно смотрел в одну точку. Казалось, он спал с открытыми глазами — так замирают загнанные звери, экономя каждый вздох перед новым броском.

Наконец высоко над головой, на главной колокольне Палаты клятв, гулко и протяжно запел утренний колокол.

Шесть ударов.

Рассвет.

Время ночного затвора истекло. Где-то вверху лязгнули засовы центральных дверей, зашуршали первые метлы полов, в вентиляционные шахты потянуло запахом жареного ячменного кофе из дежурной кухни. Дворец и Палата просыпались, готовясь к новому дню предкоронационного безумия.

Я подошла к двери исследовательской комнаты и дважды постучала костяшками пальцев по дубовой филёнке.

Тяжёлый засов снаружи отодвинулся со скрежетом. В проёме показался капитан Дамир Рен. Он успел сменить ночную кирасу на парадный форменный колет с золотым тиснением, но под его ястребиными карими глазами темнели синяки от бессонницы.

— Закончили опись, старший архивариус? — сухо осведомился он, бросив острый, колющий взгляд через моё плечо, в глубину комнаты, где в полумраке переплётной стоял Эран.

— Первичный акт консервации составлен, капитан, — я протянула ему наспех заполненный стандартный бланк с дежурной печатью отдела. — Вещественные доказательства помещены в изолирующий сейф малого хранилища. Мне необходимо сверить индекс повреждения с генеральным каталогом закрытых фондов.

Дамир пробежал глазами строки, задержался на моей подписи и медленно сложил лист вдвое.

— У вас есть ровно сорок минут до того, как Селена Ар-

дис вернётся из королевской канцелярии, — негромко произнёс он, понизив голос так, чтобы его не слышали стоявшие в отдалении караульные. — Я распорядился, чтобы вас пропустили в зал общих указателей. Но если ваш... спутник сделает хоть шаг в сторону открытых галерей, я подниму тревогу лично.

— Он останется здесь до моего возвращения, — твердо ответила я.

Я вышла в коридор, чувствуя на спине тяжёлый, предостерегающий взгляд Эрана.

Зал служебных каталогов на втором ярусе в этот ранний час был пуст и тих. Сквозь высокие стрельчатые окна падал тусклый, белесый утренний свет, прорезая пыльные столбы воздуха. Вдоль стен высились гигантские латунные барабаны механических картотек — монументальное творение архивистов прошлого века. Сотни тысяч медных пластин с выгравированными шифрами вращались внутри этих цилиндров, повинаясь поворотам наборных дисков.

Я подошла к третьему барабану — тому, что отвечал за закрытые фонды судебных комиссий тринадцатилетней давности.

Пальцы привычно легли на наборные диски. Металл был ледяным, покрытым тонкой масляной пленкой.

Щёлк. Первая косая черта. Щёлк. Вторая. Третья. Четвёртая. Поворот центрального рычага на двойную дугу.

Внутри механизма с гулким лязгом провернулись шестер-

ни. Барабан ожил, тихо зашуршали перебираемые пластины, выбрасывая в смотровое окошко нужный регистрационный формуляр.

Тяжёлая латунная карта выскользнула из паза и со звоном упала на подставку.

Я наклонилась ближе, вглядываясь в выдавленные в металле строки.

Глаза пробежали по дате: тринадцать лет назад. По грифу секретности: высший надзорный уровень, опечатано личной печатью Первой регистраторши Селены Ардис.

Но когда взгляд опустился на графу участников комиссии, сердце в моей груди пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной, панической силой.

Дело не касалось двоих судей.

Оно не было случайным совпадением между судьёй Ильвенем из Верхнего суда и участковым судьёй Гартом от Северных ворот.

На латунной пластине, выведенные ровным казенным штифтом, значились имена членов закрытой Чрезвычайной комиссии по особым полномочиям.

Их было ровно семь.

Семь подписей. Семь служебных договоров верности, связанных одним общим тайным протоколом.

Первый — Марек Ильвен. Мёртв. Второй — Рем Гарт. Мёртв.

А напротив остальных пяти имён, прямо в металле, уже

тускло мерцали свежие регистрационные метки сегодняшнего утра. Четверо из них значились переведёнными под закрытую «личную защиту» канцелярии Селены.

И лишь одно имя всё ещё оставалось на свободном дежурстве.

Судья Ларн. Единственный из семи, кто ещё не был изолирован в покоях Первой регистраторши и до кого можно было дотянуться, прежде чем колокол пробьет следующий назначенный час.

Глава 5

Холод латунной карты просачивался сквозь тонкую кожу перчаток, обжигая подушечки пальцев так, словно я коснулась речного льда.

В пустом зале общих указателей стояла звонкая, гулкая тишина раннего утра. Косые лучи бледного октябрьского солнца пробивали высокие стрельчатые окна, высвечивая медленно кружащуюся в воздухе пыль и тяжёлые латунные цилиндры картотек. Механический барабан замер, его шестерни остывали с тихим металлическим потрескиванием.

Я не мигая смотрела на выдавленные в металле строки.

Чрезвычайная комиссия по особым полномочиям. Тринадцать лет назад.

Под этим заголовком ровным, глубоким штифтом были выбиты семь имён судей, чьи подписи скрепили тайный надзорный протокол королевства. Семь человек, наделённых тогда правом единоличного утверждения чрезвычайных мер.

Первый — Марек Ильвен. Его имя пересекала косая черта: смерть зафиксирована вчера в восемь вечера. Второй — Рем Гарт. Такая же черта и свежая, ещё пахнущая машинным маслом насечка: смерть зафиксирована в полночь.

А дальше металл хранил следы спешки. Напротив четырёх следующих фамилий горели свежие контрольные оттис-

ки канцелярии Палаты. Не судебные, не городские — личные метки Первой регистраторши. Все четверо числились переведёнными под закрытую «защиту ведомства». В переводе с чиновничьего языка это означало изоляцию в верхних покоях Палаты, где за каждым шагом и вдохом следили присяжные стражи Селены, а любая весточка наружу отсекалась охранными контурами.

И только седьмое имя оставалось чистым.

Судья Орин Ларн. Вторая палата ремесленных тяжб. Ни отметок о смерти, ни штампа ведомственной изоляции. Единственный свидетель тринадцатилетней давности, который всё ещё дышал свободным воздухом и не был заперт в золочёной клетке.

«Селена собирает их», — обожгла меня внезапная, кристально ясная мысль.

Те, кто не согласился отдать свои печати для коронационного контура, умирали с разрывом сердца прямо за рабочими столами. Тех, кто колебался или был слишком ценен, запирали под замок.

Времени оставалось в обрез: стрелка напольных часов в углу зала неумолимо отсчитывала секунды моего сорокаминутного разрешения. Скоро здесь появятся дежурные архивисты утренней смены, а капитан Рен уже ждал внизу.

Я достала из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист тонкой вощёной кальки и плоский графитовый брусок. Руки действовали уверенно, подчиняясь въевшейся в кости

привычке. Прижав прозрачную бумагу к металлу латунной карты, я широкими, лёгкими движениями заштриховала поверхность. Под серым налётом графита проступили рельефные очертания букв: шифр дела, даты, полный список комиссии и регистрационные номера договоров.

Этот оттиск был крамолой. Снятие копий с закрытых генеральных указателей без письменного предписания канцелярии каралось немедленным отстранением от должности и публичным судом. Но законная процедура умерла для меня этой ночью, когда тело Гарта опрокинулось на ступени трибунала.

Едва я спрятала сложенную кальку обратно в карман мантии, за тяжёлыми дубовыми дверями каталожного зала слышались шаги.

Не торопливый шаг младших писцов и не кованый грохот сапог стражи.

Это была поступь человека, не привыкшего спешить, потому что весь мир вокруг и без того подчинялся его ритму. Мягкий, плавный шелест тяжёлого шёлка по каменным плитам.

Дверные створки разошлись, впуская в зал холодный сквозняк и запах дорогого нарциссового мыла.

— Ты не ложилась спать, Веда, — произнёс знакомый, спокойный голос.

Первая регистраторша Селена Ардис вошла в зал одна. Ей было чуть больше пятидесяти, но в её осанке не чита-

лось ни капли усталости, хотя она провела всю ночь на чрезвычайном совете во дворце. Тёмно-синее парадное платье из плотного сукна было застёгнуто под самое горло на серебряные филигранные пуговицы. Пепельные волосы лежали в строгой высокой причёске, скреплённой жемчужными шпильками. Лицо оставалось бледным, гладким и пугающе неподвижным, лишь под проницательными серыми глазами залегли едва заметные тени.

Она не выглядела злодейкой из дешёвых уличных романов. Она выглядела именно так, какой я знала её все двенадцать лет службы: воплощением государственной воли, порядка и несокрушимой верности уставу. Женщиной, которая лично принимала у меня вступительный экзамен и учила отличать подлинный след восковой печати от искусной подделки.

— Доброе утро, госпожа Ардис, — я спокойно опустила рычаг барабана.

Латунная карта со звоном соскользнула внутрь металлического чрева картотеки, скрывшись среди сотен чужих тайн. Я шагнула навстречу наставнице, удерживая на лице маску почтительной служебной сдержанности.

— Капитан Рен доложил, что ты лично изъехала носитель с тела судьи Гарта прямо во время ночного инцидента, — Селена остановилась в трёх шагах от меня. Её взгляд, острый и холодный, как скальпель переплётчика, медленно скользнул по моим помятым манжетам, задержался на тёмных кругах

под глазами и опустился на мои руки. — И что оба документа — Ильвена и Гарта — сейчас заперты в твоей исследовательской комнате.

— Документы подверглись ускоренному распаду контура, госпожа, — мой голос звучал ровно, с выверенной профессиональной сухостью. — Нарушение тринадцатой статьи Устава свидетельств. Волокна тростникового листа начали тлеть в момент доставки. Если бы капитан запер их в обычный сейф караула, к рассвету вещественные доказательства обратились бы в пепел. Я использовала право первичной архивной консервации.

Селена чуть склонила голову набок. Серебряная серьга в её ухе качнулась, поймав солнечный блик.

— Первичная консервация занимает сорок минут, Веда, — тихо заметила она. — А ты провела внизу всю ночь. И сейчас копаешься в закрытых каталогах тринадцатилетней давности. Скажи мне, что старший архивариус посмертного фонда искала в делах старой комиссии?

Воздух между нами словно загустел. Селена не угрожала. В её голосе звучала почти материнская забота, но за этой мягкостью чувствовалась стальная хватка судебного трибунала.

— Я искала причину аномалии, — я не отвела взгляда. — Два судьи умерли за одну ночь с одинаковыми симптомами термического разрыва клятвенных жил. Это не единичный срыв слова, госпожа Ардис. Это повреждение самой струк-

туры районного свидетельства. Я обязана проверить, не связаны ли их договоры общим архивным корнем, прежде чем отправлять акт в королевскую канцелярию.

Селена медленно выдохнула. Она подошла к высокому окну, глядя вниз, на просыпающийся город, где над крышами Лаверна уже поднимались первые дымы пекарен.

— Королевство стоит на пороге великого дня, Веда, — произнесла она, и в её голосе зазвучала незнакомая мне прежде глухая, торжественная тяжесть. — До коронации шесть дней. Двор расколот, на улицах зреют мятежи, ремесленные гильдии отказываются признавать новые налоговые установления. Если сейчас по городу поползут слухи, что судебная система пала, а свидетельские камни дают сбой, Лаверн вспыхнет, как сухая солома. Мы не можем позволить панике разрушить то, что строилось десятилетиями.

Она обернулась ко мне. Её лицо оставалось строгим и чистым.

— Ильвен и Гарт стали жертвами заговора предателей, пытающихся сорвать присягу наследника Адриана. Это государственная измена высшей категории. Дело изымается из компетенции твоего архива и передаётся под личный надзор Первой канцелярии. Все оставшиеся члены той комиссии уже взяты под мою личную защиту ради их собственной безопасности.

— Все? — тихо спросила я, чувствуя, как холодеет спина. Селена не дрогнула.

— Те, до кого мы успели дотянуться. Ты выполнила свой долг, архивариус. Сдашь оба свитка и серебряный жетон Гарта дежурному секретарю до полудня. Самостоятельное расследование прекратить немедленно. Если я узнаю, что ты продолжаешь копать в закрытых фондах без моего прямого письменного распоряжения, мне придётся отстранить тебя от должности и отправить под надзор стражи до окончания коронационных торжеств. Ради твоего же блага.

Она сделала паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Ты ценный сотрудник, Веда. У тебя редкий дар и безупречный послужной список. Не разрушай свою жизнь из-за чужих опасных тайн. Иди и отдохни.

Селена развернулась и вышла из зала так же бесшумно, как вошла.

Тяжёлые двери закрылись за ней с глухим щелчком.

Я осталась стоять посреди пустого каталожного зала. Сердце билось тяжело и глухо, отдаваясь в висках ноющей пульсацией. Селена знала. Она знала о комиссии, знала об угрозе и методично зачищала поле, пряча концы в воду под безупречным предлогом государственной безопасности. До полудня у меня оставалось меньше четырёх часов, прежде чем она потребует оригиналы свитков.

Я спустилась в нижние переходы, стараясь не привлекать внимания караульных.

В переплётной мастерской пахло остывающим костным клеем и влажной штукатуркой. Эран стоял у глухой камен-

ной стены, заложив руки за спину. Стоило мне закрыть за собой дубовую дверь на тяжёлый засов, как он повернулся. Его серые глаза мгновенно впились в моё лицо.

— Она была наверху? — спросил он без предисловий.

— Селена вернулась из дворца, — я подошла к верстаку и извлекла из кармана сложенную кальку с графитовым оттиском. — Она требует передачи свитков до полудня и грозит арестом, если я сделаю ещё шаг в сторону закрытых фондов.

Эран развернул лист на цинковой столешнице. Его пальцы скользнули по неровным серым линиям, безошибочно выхватывая фамилии.

— Чрезвычайная комиссия тринадцатого года... — глухо произнёс он, и на его скулах снова заходили желваки. — Я так и думал. Именно эти семеро подписали статут, позволивший централизовать свидетельские записи после пожаров в ремесленных кварталах. Их подписи связали районные камни с Большой печатью. Теперь они стали свидетелями, которых нужно заставить молчать навсегда.

— Четверо уже заперты в покоях Селены под видом охраны, — сказала я, наблюдая за его реакцией. — Ильвен и Гарт мертвы. Остался один.

Я ткнула пальцем в последнюю строчку на кальке.

— Орин Ларн. Судья Второй палаты ремесленных тяжб. Селена ещё не добралась до него, но это вопрос нескольких часов. Если мы не предупредим его сейчас, в полдень мы получим третий обугленный свиток.

Эран нахмурился, глядя в шифр.

— Вторая палата заседает в восточном крыле судебного корпуса, — сказал он. — Но Ларн никогда не ходит на утренние заседания без предварительной сверки в архиве. Он старый бюрократ, помешанный на переключках. Если он жив, он должен быть либо у себя в канцелярии, либо...

— Стой, — перебила я его, поднимая руку.

Смутная тревога, скребшаяся на краю сознания всё утро, вдруг оформилась в чёткую мысль.

— В вестибюле Палаты на главном посту лежит дежурная книга регистрации утренних визитов, — прошептала я. — Туда заносят каждого чиновника судебного ранга, входящего через Северную арку до открытия общих присутствий. Если Селена искала его утром, дежурный караул обязан был отметить его прибытие.

— Ты можешь туда подойти? — спросил Эран.

— Я старший архивариус, у меня есть право проверки утренней курьерской почты, — я свернула кальку и спрятала её обратно. — Жди здесь. Не приближайся к дверям.

Через пять минут я уже поднималась по парадной мраморной лестнице в главный вестибюль Палаты.

Здесь уже кипела жизнь: сквозь дубовые ворота входили первые клерки, шумели плащи, звенели связки ключей. У конторки дежурного офицера горела толстая свеча. Молодой сержант стражи усердно скрипел пером, внося входящих в толстый кожаный фолиант с латунными уголками.

— Сержант, — позвала я, подойдя к барьеру со служебной стороны.

— Госпожа архивариус? — он вскинул голову, торопливо вытирая пальцы о сукно мундира.

— Мне нужен журнал утренней регистрации за первые часы смены, — я показала свой архиварский перстень. — Экстренный запрос по реестру споров Северного округа.

Сержант без колебаний развернул фолиант ко мне:

— Прошу, госпожа Лорен. С шести утра открыли.

Я перевернула страницу, пальцы побежали вниз по списку входящих. Серое казенное письмо, имена, время, номера служебных жетонов.

И на третьей строчке сверху мой палец замер.

Строка была выведена ровным, каллиграфическим почерком дежурного писаря:

«Шесть часов двенадцать минут утра. Судья Орин Ларн. Личный пропуск номер сорок два. Направление — закрытый архив служебных комиссий».

Рядом стоял аккуратный, чёткий фиолетовый отпечаток личной судейской печати Ларна, подтверждающий вход владельца в здание Палаты.

Два часа назад.

Я почувствовала, как мороз прокатился от затылка вниз по позвоночнику.

— Сержант, — мой голос прозвучал неестественно тихо. — Вы лично видели господина Ларна, когда он входил?

Сержант моргнул, наморщил лоб, пытаясь вспомнить, и растерянно пожал плечами:

— Да нет, госпожа архивариус... Я заступил ровно в шесть, смена была сонная, туман на улице стоял сплошной стеной. Пропуск подали в смотровое окошко, печать приложили к контрольной чаше, жетон звякнул. Я проверил оттиск — всё по форме, линия чистая, металл отозвался. Я открыл боковую калитку и внёс запись. А самого господина судью... в таком тумане и под капюшоном разве разглядишь? Прошёл и пошёл по переходу к закрытым фондам.

— И никто больше его не видел? — настойчиво спросила я. — Он не поднимался в судебный корпус?

— К нам из Второй палаты полчаса назад прибегал его помощник, чуть не плакал, — покачал головой сержант. — Говорит, заседание сорвано, на столе у судьи даже чернила не налиты, дома постель не смята, а в Палате его никто не встречал. Словно сквозь землю провалился старик.

Я медленно убрала руку от конторской книги.

Судья Орин Ларн вошёл в охраняемое здание Палаты клятв два часа назад. Его имя и личная печать официально пересекли свидетельский рубеж ворот.

Но живого Ларна в здании не было.

Глава 6

Запах утреннего дождя тянулся за мной из главного вестибюля вниз, в полутёмные коридоры, смешиваясь с неизменным духом старого архива — сырой известью, прелой бумагой и железной пылью.

Я спустилась на цокольный ярус так быстро, как только позволяли тяжелые суконные юбки и служебные туфли на мягкой подошве. Сердце колотилось в горле. За спиной остался озадаченный сержант на посту и распахнутая конторская книга, где чернильная строка утверждала невозможное: судья Орин Ларн вошёл в Палату в шесть часов двенадцать минут утра.

Но Ларн не мог войти в Палату.

Прежде чем спуститься в переплётную, я завернула в дежурную курьерскую ячейку Северного округа и сняла с латунного штыря утренний листок приходной сводки городских смертей. Приходские церкви и ночные лекари присылали такие списки на рассвете — сухой перечень тех, чьи сердца остановились в постелях до первого колокола, чтобы Палата успевала закрыть налоговые и долговые книги.

Я достала этот серый, шероховатый листок из рукава и толкнула тяжёлую дверь мастерской.

Эран стоял на том же месте у цинкового верстака. Он даже не обернулся на звук шагов — лишь его плечи едва за-

метно расслабились, когда он по шелесту ткани понял, что это вернулась я, а не караул.

— Ты бледная, — сказал он, оглядывая меня с той цепкой, въедливой внимательностью дознавателя, от которой по коже пробегал холодок. — Селена вернулась за свитками?

— Хуже, — я подошла к верстаку и бросила перед ним два листа: вощёную кальку со списком семи судей комиссии и утреннюю сводку ночных смертей. — Посмотри на пятую строку снизу.

Эран нагнулся к столу. Свет единственной свечи в жестяном блюде выхватил его впалые щеки, тёмную тень щетины и резкую складку меж бровей.

— Орин Ларн, шестьдесят два года, — прочитал он вслух. — Смерть зафиксирована приходским лекарем в собственном доме в Пепельном квартале в пять часов утра. Остановка сердца.

— В пять утра, — повторила я, и собственный голос показался мне чужим, надтреснутым от усталости и накатившей ярости. — Его нашли мёртвым в пять. А в шесть двенадцать дежурный сержант на Северных воротах принял его личный жетон, снял оттиск судейской печати и расписался за его вход в Палату. Кто-то пришёл сюда под его именем.

Эран медленно выпрямился. В его серых глазах вспыхнул тот самый холодный, опасный огонёк, который я видела ночью, когда он говорил о пустых клятвах.

— Заимствованная запись, — глухо произнёс он. — Че-

ловек уже мёртв, но его гражданский след в Большой печати ещё не погашен. Палата обновляет книги смертей только в полдень. В эти семь часов между смертью и вычеркиванием из реестра имя принадлежит любому, у кого в руках окажется печать и жетон. Они завели его призрак в закрытый сектор, чтобы провести с его помощью чужое действие.

— И это ещё не всё, — я вытащила из кармана клочок серой промокашки, который помощник Ларна нашёл на столе судьи и в спешке сунул городскому посыльному вместе с вестью о срыве заседания.

Бумага была замята, испачкана пятнами высохшей туши. На ней неровным, спешащим почерком человека, чья рука уже теряла твердость, было нацарапано всего четыре слова: «Ищите оговорку, которой больше нет».

Эран взял обрывок двумя пальцами, поднёс к огню, вглядываясь в структуру нажима.

— Он знал, что за ним придут, — сказал Эран. — Он понимал, почему умерли Ильвен и Гарт. И он оставил след не страже, а архиву. «Оговорка, которой больше нет»... О чём он говорил, Веда?

Я знала каждый формуляр, действовавший в королевстве за последние сто лет. Я могла с закрытыми глазами процитировать любой из тридцати двух параграфов служебной присяги, типовой договор купли-продажи или брачное обязательство под свидетельством Северного камня. Но ни в одном современном документе не было пункта, который назы-

вался бы просто «оговоркой». В нынешней системе всё было монолитно: формула произносилась целиком, свидетель скреплял её оттиском, а молчаливое принятие условий приравнивалось к полному согласию.

И в этот миг меня обожгло воспоминанием.

Не формулой из закона. Чужим, тихим голосом, пахнущим мятой и сухой аптекарской травой.

— Дора, — выдохнула я.

— Кто? — нахмурился Эран.

— Старая Дора Марен. Она служила старшим регистратором справочного фонда полвека, ещё до реформы Чрезвычайной комиссии. Сейчас она на покое, но каждое утро приходит в старый справочный фонд под часовой башней — перебирать рукописные карточки, которые совет тринадцать лет назад приказал сдать в утиль. Она говорила мне когда-то... много лет назад, когда я только пришла ученицей: «В книгах теперь пишут гладко, девочка, да только из них вынули самое главное жало. То, ради которого люди вообще садились писать на коже».

Упоминание Доры отозвалось в груди внезапной, глухой болью. Я невольно опустила руку в карман жилета, где лежала сафьяновая записная книжка. Там, на последней странице, всё ещё чернела свежая строчка: «В субботу отнести старой Доре аптекарские ярлыки из травной лавки и зайти на чай».

Слова были на месте, но сердце оставалось пустым и

немым. Никакого тепла, никакой вины за то, что я не пришла. Пугающая, вымороженная гладь. Плата за чтение по-смертного крика Ильвена.

— Она всё ещё там? — спросил Эран, глядя на то, как остекленел мой взгляд.

— В это время — да, — я с трудом вернула себя в реальность, заставив пальцы разжаться. — Старый справочный фонд находится в цоколе восточного крыла. Туда никто не заглядывает годами, там нет действующих магических контуров. Идём. Но держи капюшон низко. Если караул заметит тебя рядом со мной вне мастерской, капитан Рен перекроет весь ярус.

Мы прошли длинной анфиладой сырых подземных переходов, где под сводами висели клочья паутины, а из стен сочилась ржавая вода. Эран ступал за мной след в след, бесшумно, как тень. Я почти не слышала его шагов, но чувствовала его спиной — то самое ощущение сгустившегося, лишённого лишних звуков пространства, которое неотступно следовало за ним.

Низкая дубовая дверь старого справочного фонда не заперлась на замки — её удерживала лишь простая кованая щеколда.

Внутри пахло совсем иначе, чем в сияющих чистотой верхних залах. Здесь стоял густой, сонный дух сушёной лаванды, старого тряпичного пергамента и дешёвого лампадного масла. От пола до почерневших каменных сводов тя-

нулись бесконечные ряды деревянных шкафов с сотнями крошечных выдвижных ящичков. Здесь спала память города до великой централизации: рукописные карточки с перекрёстными ссылками на древние прецеденты, заметки давно умерших нотариусов и пожелтевшие черновики соглашений, которые никогда не оцифровывали в латунные барабаны.

В дальнем конце узкого прохода, за шатким столиком, сидела женщина.

Маленькая, сухонькая, закутанная в выцветшую шерстяную шаль поверх серого форменного платья. Её седые, редкие волосы были уложены в старомодный пучок, а на кончике острого носа сидели круглые очки в проволочной оправе. Костлявыми, узловатыми пальцами она медленно перебирала картонные карточки, аккуратно сметая с них пыль мягкой барсучьей кистью.

— Дора, — тихо позвала я.

Старуха вздрогнула, подняла голову и близоруко сощурилась сквозь толстые линзы. Её морщинистое, доброе лицо озарилось слабой, дребезжащей улыбкой.

— Ведочка?.. — проскрипел её старческий голос. — Ты пришла... А я всё жду, думаю, забыла про меня старуху в этой праздничной суматохе. Чайник-то у меня на жаровне совсем остыл, а ярлыки для сбора мяты так и лежат не подписанные...

Каждое её слово падало в меня, как камень в глубокий, высохший колодец. Ни всплеска. Ни стыда. Я смотрела на

женщину, которая поила меня травяным взваром, когда я дрожала от первых приступов архивной мигрени, и чувствовала лишь глухую, леденящую отстранённость постороннего человека. Обязательство стёрлось без следа.

— Дора, мне нужна твоя помощь, — я подошла к столу, положив ладони на шероховатое дерево, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. — По работе. Срочно.

Старуха моргнула, её улыбка чуть увяла, уступая место въевшейся за десятилетия чиновничьей цепкости. Затем её взгляд скользнул за моё плечо — на высокую, тёмную фигуру Эрана, застывшую в тени стеллажа.

Дора замерла. Её кисть опустилась на стол. Она медленно склонила голову набок, прислушиваясь к чему-то, чего обычный слух уловить не мог.

— Странно как... — пробормотала она, разглядывая Эрана сквозь очки. — Шагов не слышать. И дыхание у вас, сударь, словно в вату завёрнуто. Были когда-то в тайном присутствии такие господа... до пожаров. Ходили тихо, а за ними даже сквозняки замирали. Только их всех тринадцать лет назад под корень вывели...

Эран не шелохнулся и не поднял глаз из-под надвинутого капюшона. Я шагнула в сторону, заслоняя его собой.

— Дора, взгляни на это, — я положила перед ней клочок бумаги с почерком Ларна. — Судья Ларн погиб сегодня утром. Перед смертью он написал: «Ищите оговорку, которой больше нет». Что это значит?

Старуха поправила очки, взяла листок сухими, дрожащими пальцами и долго всматривалась в чернильные линии. Её губы беззвучно шевелились, повторяя слова.

— Орин... — вздохнула она с тяжёлой печалью. — Упрямый был старик. Всё надеялся, что бумага стерпит, а камень рассудит... Значит, и до него добрались.

Она отодвинула листок и тяжело поднялась со своего скрипучего стула. Подойдя к шестому ряду каталожных шкафов, Дора провела пальцем по потускневшим медным ярлычкам и с сухим стуком выдвинула длинный деревянный ящик с литерой «П».

— Вы, нынешние, думаете, что закон начался с Селены Ардис и её Большой печати, — тихо заговорила она, перебирая плотные карточки из серого картона. — Думаете, раз магия вяжет слово к горлу, так тому и быть вовеки веков. А ведь раньше всё держалось на другом. До того, как Чрезвычайная комиссия переписала статуты после пожара в Пепельном, клятва не была веревкой. Она была щитом.

Она извлекла из ящика пожелтевшую от времени карточку, исписанную мелким, выцветшим почерком с латинскими сокращениями.

— Вот, смотри, Веда. Старая форма судебного обета тридцатилетней давности. Сравни с тем, что ты видишь в своих журналах каждый божий день.

Я приняла карточку. Эран бесшумно подошёл ближе, заглядывая через моё плечо.

Текст формуляра начинался привычно: обязательство верности закону, тайна судебного совещания, беспристрастность решений. Но на полях, прямо напротив клятвенного параграфа, шла жирная ссылка на фундаментальный свиток, которого не было ни в одном современном учебнике права.

Ссылка на Первую клятву — первородный свод законов, на котором четыре века назад было основано королевство Эсталь.

И рядом Дориной рукой, ещё твёрдой сорок лет назад, была выписана цитата из той самой Первой клятвы:

«Всякое обязательство ничтожно и не связывает душу, коли отказ не может быть произнесён и услышан независимым свидетелем. Молчание человека не считается согласием; произнесённое слово не рождает кары».

Слова обожгли меня сильнее, чем прикосновение к тлеющему свитку.

«Молчание человека не считается согласием».

— Вот она, — выдохнул Эран за моим плечом, и в его голосе звенело глухое напряжение. — Удалённая оговорка. Фундаментальный принцип права отказа.

— Именно, сударь, — кивнула Дора, глядя на нас поверх стекол. — Раньше, если человека принуждали клятвой силой или угрозой, ему достаточно было промолчать перед независимым городским свидетелем. И свидетельский камень не связывал контур! Молчание защищало. Оно значило: «Я этого не обещал». А потом пришла Селена с Чрезвычайной

комиссией. Сказали: «Время тревожное, кругом смута, нам нужно единое свидетельство, чтобы преступники не прятались за молчанием». Собрали семерых судей, закрыли заседание на трое суток — и переписали статуты.

Они не просто централизовали печати. Они вырезали из закона само право не соглашаться. Подменили основу магии: сделали так, что отсутствие явного, оформленного по всей форме протеста стало юридически приравняться к добровольной присяге. А затем связали эту подмену с гражданскими записями горожан.

Именно поэтому погиб судья Марек Ильвен. Он молчал на совещании, думая, что не даёт слова, — а скрытый слой воспринял его молчание как согласие и замкнул смертную петлю. Именно поэтому умер Рем Гарт.

— Где подлинник Первой клятвы, Дора? — спросила я, сжимая пожелтевшую карточку так, что картон хрустнул. — Где хранится исходный свиток с этой статьей?

Старуха покачала головой:

— Так его ж после тех самых пожаров и убрали из открытого зала старого суда. Сказали — для сохранности. Погоди, у меня где-то была учётная запись перемещения фондов...

Она снова зашаркала к шкафам, выдвинула узкий железный пенал с грифом особого хранения и достала оттуда старую регистрационную накладную из плотной гербовой бумаги.

Я впилась глазами в строки.

Там стояло краткое, безжалостное канцелярское предписание тринадцатилетней давности:

«Подлинный лист Первой клятвы с основополагающими статьями свидетельства изъять из публичной экспозиции суда Пепельного квартала и передать для бессрочного консервирования в Центральное хранилище Большой печати».

А внизу, размашисто и властно, темнела знакомая мне до последней черточки подпись, скрепленная личным пурпурным сургучом:

Первая регистраторша Селена Ардис.

Круг замкнулся.

Селена не просто боролась за порядок перед коронацией. Она методично, шаг за шагом на протяжении тринадцати лет уничтожала саму возможность сказать «нет». Она спрятала подлинный лист древнего права в своём закрытом хранилище, стёрла спасительную оговорку из всех действующих формуляров, а теперь зачищала последних семерых судей, чьи подписи когда-то дали жизнь этой подмене.

И через шесть дней, на коронации наследника Адриана, весь город произнесёт единую формулу присяги. И ни один житель Лаверна не сможет спастись молчанием. Их свяжут заживо, превратив в послушное орудие чужой воли.

— Веда, нам пора, — тихо произнёс Эран, коснувшись моего локтя.

Его пальцы были холодными, но это прикосновение мгновенно выдернуло меня из оцепенения. В коридоре за закры-

той дверью послышался далёкий, размеренный гул шагов дежурного патруля стражи. Время истекало.

— Спасибо, Дора, — я бережно вернула ей старую карточку.

Старуха посмотрела на меня, и в её слезящихся глазах мелькнула глубокая, всепонимающая тревога.

— Береги себя, девочка, — прошептала она, сжимая мою ладонь своими сухими пальцами. — Тот, кто пытается вернуть людям право молчать, всегда принимает первый удар на собственное горло.

Мы выскользнули из справочного фонда в тёмный боковой лаз за секунду до того, как патруль поравнялся с дверью.

Прижавшись к сырому камню стены в узкой нише под лестницей, мы замерли. Эран стоял так близко, что его плащ касался моих колен, а его глухая тишина снова накрыла нас обоих плотным, невидимым куполом, спасая от чужих глаз и ушей.

Я подняла на него взгляд в темноте.

— Подлинный лист у Селены, — прошептала я. — В центральном хранилище, за тройными контурами Большой печати. Мы не сможем просто прийти и забрать его.

— Значит, мы заставим её открыть двери, — так же тихо отозвался Эран, и в полумраке блеснули его серые глаза. — Но сначала нам нужно то, что докажет подлог прямо сейчас. Второй свиток Гарта. Ты должна прочесть его, Веда. До конца.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Второе глубокое чтение. Ещё одна утрата в моей записной книжке.

Но другого пути у нас больше не оставалось.

Глава 7

К ночи дождь над Лаверном перешёл в мелкую, ледяную изморось, от которой гранитные плиты мостовых покрылись скользкой чернильной плёнкой. В подземных залах Архива мёртвых клятв о перемене погоды напоминал лишь сырой, пронизывающий сквозняк, тянувший из вентиляционных колодцев, да глухой шум водостоков за толщей крепостной кладки.

Мы вернулись в цокольный ярус кружным путём — через заброшенные соляные склады и нижний дренажный туннель, где вода доходила до щиколоток. Мой форменный плащ промок насквозь и потяжелел, пальцы заоченели, но внутри всё гудело от лихорадочного, сухого напряжения.

На рабочем столе из морёного дуба, под единственным жестяным рефлектором лампы, лежали два несовместимых свидетельства одной и той же ночи.

Слева — потемневший свиток судьи Ильвена, завернутый в суровую ткань. Справа — серебряный жетон Рема Гарта с раскуроченной свинцовой пломбой. Из узкого чрева медальона выглядывал свернутый в трубку лист служебной присяги, и от него всё ещё пахло гарью — едким, химическим духом принудительно разорванной магии.

Бумага Гарта умирала быстрее, чем документ его коллеги. По нижнему краю свитка, прямо под выдавленной бес-

цветной строкой подложного условия, уже вилась серая бахрома пепла. Волокна истончались, вспучивались микроскопическими пузырями и осыпались невесомой пылью на полированное дерево. До полуночи от текста не осталось бы ничего, кроме серого налёта.

Я положила ладони на столешницу, чувствуя, как холод дуба пробивает шерстяные митенки.

Из кармана жилета сама собой легла на стол моя «Книга обещаний». Сафьяновый переплёт был потерт по углам, на корешке темнели пятна архивного клея. Я знала, что должна сделать. Гарт унёс в могилу имя того, кто привязал к его горлу невидимую петлю. Если я не войду в посмертный след сейчас, пока волокна держат остаточный резонанс, мы потеряем единственную живую нить к заказчикам подлога.

Но рука, потянувшаяся к пряжке перчатки, замерла.

В груди шевельнулся липкий, постыдный холодок. Первое чтение прошлой ночью уже забрало у меня Дору — не образ старухи, а живое тепло долга перед ней, оставив взамен замороженную, мёртвую запись в блокноте. Какую зарубку память отдаст на этот раз? Сколько ещё шагов отделяло меня от того дня, когда моё главное обещание — найти виновных в гибели Лева — превратится в такие же пустые чернила на бумаге?

— Не спеши, Веда, — раздался за спиной негромкий голос.

Эран стоял у кромки света, прислонившись плечом к чу-

гунной стойке стеллажа. Он снял свой тяжёлый плащ, бросив его на ящик у входа; простая льняная рубаха промокла на плечах, на груди темнели полосы от сырости подземного лаза. Его лицо осунулось, под скулами пролегли резкие тени, но серые глаза смотрели с той беспощадной, выверенной ясностью, которая появляется у людей на самом краю пропасти.

— Бумага распадается, Эран, — я не повернула головы, не желая показывать ему секундную слабость. — Если я не проведу глубокое чтение, мы останемся с клочком золы и догадками Доры. А через шесть дней Селена свяжет весь Лаверн коронационным контуром.

— Ты думаешь, что платишь за это чтение одна? — он сделал два шага вперёд, войдя в круг лампового света.

Его правая рука легла на край верстака. Ожог в форме разбитой печати на его запястье был багровым, воспалённым; тонкая сеть рубцов натянулась, и мне показалось, что сквозь огрубевшую кожу проступает лихорадочный, болезненный жар.

— Я знаю твою цену, — ответила я, глядя на его изувеченную кисть. — Ты уже гасил контур ночью. Ты сказал, что твоя тишина не бесконечна.

— Ты не понимаешь, как устроена эта тишина, архивариус, — Эран горько усмехнулся краешком рта, но в этой усмешке не было веселья. — Это не защитное заклинание, которое можно повесить в воздухе, как фонарь на крюк. Что-

бы удержать твой разум от чужого предсмертного удара и не дать свитку сгореть в твоих пальцах, я должен создать пустоту. Локальный разрыв между этим столом и Центральным реестром Палаты. Сфокусированный вакуум, в котором магия договоров на время слепнет.

Он наклонился ко мне, опёршись кулаками о дерево. Я почувствовала его дыхание — сухое, горячее, с металлическим привкусом перенапряжения.

— Но Центральный реестр — это не мёртвая книга. Это гигантский, натянутый до предела нерв королевства. Когда ты пробиваешь в нём дыру ради тишины, система начинает вытягивать пустоту обратно. Чем дольше и глубже я держу поле, тем сильнее давление. А единственная опора, за которую может уцепиться этот вакуум, — моё собственное прошлое.

Моё сердце глухо толкнулось в рёбра.

— Твоё имя, — прошептала я, начиная понимать. — Запись, которую стёрли тринадцать лет назад...

— Она не была уничтожена без следа, Веда. Её выскоблили, как ошибочную пометку на пергаменте. Но стоит мне раскрыть тишину в полную силу, чтобы прикрыть твой резонанс, как буквы начинают проступать снова. Каждая минута глубокого чтения будет впечатывать в книги трибунала строчку за строчкой моего старого дела. Сначала личный номер. Потом должность в тайном дознании. А затем — обвинение в государственной измене и приказ на немедленное уничтожение.

Он выпрямился, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде не было страха или упрёка. Он просто выкладывал на стол факты, как судебный эксперт выкладывает орудия преступления.

— Если мы пойдём до конца, система выбросит сигнал тревоги на центральные пульты караула. И капитан Рен получит моё имя ещё до того, как ты успеешь разжать пальцы на свитке Гарта.

В комнате повисла тяжёлая, тягучая тишина. В углу мерно капала вода из дренажного желоба: капля, пауза, капля.

Я посмотрела на тлеющий край свитка. Зола уже подбиралась к судейской подписи.

— Тогда мы остановимся, — твердо сказала я, натягивая перчатку обратно. — Я сделаю поверхностный осмотр. Сниму оттиск повреждения, зафиксирую состав чернил и положу остатки в свинцовый саркофаг. Мы найдём другой след.

— Не найдём, — отрезал Эран. Его рука внезапно опустилась поверх моей, прижимая пальцы к столешнице.

Его ладонь была ледяной, но сухой и сильной. Прикосновение обожгло меня неожиданной резкостью, заставив задержать дыхание.

— Поверхностный отклик покажет только то, что Гарт умер от клятвы, — произнёс он, не отводя взгляда. — Селена скажет трибуналу, что судья был предателем, и через два дня его забудут. Нам нужно знать, через какой узел замкнули петлю. Кто держал печать в момент, когда пробило полночь.

Ты должна войти туда, Веда. А я удержу контур.

— Ты сам станешь мишенью, — мой голос дрогнул, но я не убрала руку из-под его ладони. — Ты прятался тринадцать лет. Зачем тебе платить такую цену за чужое расследование?

Он медленно убрал руку. На его лице промелькнула тень той невыносимой, застарелой усталости, которую невозможно смыть сном или вином.

— Потому что я знаю, что произойдёт, когда они замкнут сеть над городом, — тихо сказал он. — Я уже видел это однажды. В Пепельном. И если для того, чтобы остановить этот маховик, мне придётся снова получить собственное имя — пусть будет так. Начинай, Веда.

Я медленно стянула тонкую кожаную перчатку с правой руки. Шрам на большом пальце привычно заныл от сырости.

— Будь готов, — шепнула я. — На счёт «три».

Эран молча встал рядом, почти вплотную. Его левое плечо едва касалось моего. Он поднял правую руку с багровым ожогом, направив раскрытую ладонь на свиток Гарта, и закрыл глаза.

Воздух в архиве мгновенно рухнул вниз.

Это было физическое ощущение падения в бездну: барабанные перепонки сжало с тупой болью, пламя в лампе сплющилось, превратившись в неподвижную голубоватую иглу, а все звуки внешнего мира — стук капель, шум дождя, далёкий звон городской стражи — оборвались, словно кто-то перерезал канаты мироздания. Нас накрыла плотная, вязкая

глухота сфокусированной тишины.

Я опустила голую ладонь на тлеющий лист.

Удар посмертного эха Гарта был свирепее, чем у Ильвена.

Если Ильвен умирал в одиночестве своего кабинета, сбитый с толку и раздавленный внезапным предательством, то Гарт погибал в яростном, зверином сопротивлении.

Меня швырнуло в воронку чужой агонии. В нос ударил резкий запах жжёного сукна, перед внутренним взором заплясали багровые круги, а грудную клетку сдавило так, словно на неё опустилась гранитная плита. Воздух превратился в битое стекло. Я задыхалась вместе с мёртвым судьёй, чувствуя, как под кожей рвутся тонкие сосуды, а в горле закипает вязкая, горячая медь.

«Держись», — глухой, нечеловеческий приказ прошумел где-то на самом дне моего сознания. Это был не голос Гарта. Это была тишина Эрана, державшая невидимый щит над моим разумом, принимая на себя сокрушительную отдачу.

Я заставила себя пробиться сквозь пелену боли, миновать поверхностный слой предсмертного вопля и нырнуть глубже — к точке, откуда исходил импульс.

Туда, где сработал пустой приказ.

Видение вспыхнуло на долю секунды — резкое, фрагментарное, выхваченное вспышкой магического разряда.

Сырой полумрак массивного каменного свода. Тяжёлая плита зеленовато-серого гранита, испещрённая глубокими бороздами древних формул, влажная от конденсата. Север-

ный районный камень. Тот самый, что держал гражданский реестр ремесленников у городских ворот.

И над этим камнем — рука.

Узкая, безупречно неподвижная кисть в плотной белой лайковой перчатке без единого пятнышка. На указательном пальце блестел массивный золотой перстень регистратора высшей категории — с тройным вырезом на безеле и гербовым резцом Палаты.

Рука не дрожала. Она уверенно, с механической точностью вдавила в холодный гранит камня пустую медную пластину без имени, замыкая цепь.

Ни лица. Ни звука голоса. Только белая лайка, золото перстня и тусклый отблеск гранита.

В ту же секунду контур взорвался встречной волной.

Свиток под моей ладонью забился, как пойманная птица. Я почувствовала, как защитный купол вокруг нас затрещал по швам. Давление стало невыносимым; меня выталкивало обратно в реальность с чудовищной силой.

Я с трудом оторвала пальцы от пергамента и распахнула глаза.

Воздух с хрипом ворвался в мои лёгкие. Звуки мира вернулись сокрушительным грохотом: шум дождя, свист ветра в щелях, тяжёлый стук крови в моих собственных висках.

Но Эран...

Он стоял, согнувшись пополам и судорожно вцепившись левой рукой в край дубового стола так, что костяшки побе-

лели. Его правая рука — та, что держала поле, — бессильно повисла вдоль тела. Ожог на запястье лопнул в трёх местах; тонкие струйки тёмной крови стекали по пальцам, капая на цинковую подставку.

Лицо его было мертвенно-серым, цвета речной тины. Из левого крыла носа текла тёмная, густая алая нитка, пачкая губы и подбородок. Он дышал часто, со свистом, словно пробежал десять миль по глубокому болоту, и ноги его подкашивались.

— Эран! — я шагнула к нему, инстинктивно подхватывая за локоть, чтобы он не рухнул на каменный пол.

Ткань его рубахи была влажной и горячей. Он не оттолкнул меня, но всем телом навалился на конторку, пытаясь удержать равновесие. Его серые глаза остекленели, зрачки расширились почти на всю радужку.

— Ты... видела?... — с трудом, сквозь стиснутые зубы вытолкнул он.

— Видела, — быстро сказала я, доставая из кармана чистый льняной платок и прижимая его к его разбитому носу. Руки действовали уверенно, вытесняя страх привычной собранностью. — Дыши через рот. Сядь, немедленно сядь на ящик.

— Некогда... сидеть, — он перехватил мою руку, отводя платок, и сплюнул кровь на пол. Его пальцы мелко дрожали, но хватка оставалась железной. — Что там было, Веда?

— Северный районный камень, — тихо, но отдельно от-

ветила я. — Контур Гарта активировали прямо на нём, в полночь. Рука в белой перчатке с золотым перстнем регистратора. Лица не было. Но камень... след ведёт к Северным воротам.

Эран закрыл глаза на секунду, тяжело сглотнул и с усилием выпрямился, убирая руку с моего плеча. Он снова дистанцировался, возвращая привычную суровую непроницаемость, но я видела, чего стоило ему каждое движение. Он держал купол до последней доли секунды, пока я сама не разорвала контакт, приняв весь встречный откат на себя.

Моя голова была подозрительно ясной. Привычной сокрушительной мигрени, выворачивающей наизнанку после глубокого чтения, не было. Тишина защитила мой разум.

Но цена уже была назначена.

В дальнем конце архивного зала, возле винтовой лестницы, что-то глухо лязгнуло.

Я замерла, вскинув голову.

Там, вмурованная в массивную каменную колонну, возвышалась латунная контрольная стойка Центрального реестра — механический связной шкаф, соединявший архив с главной регистрационной палатой наверху. Обычно этот механизм спал по ночам, изредка пощёлкивая шестернями при смене суточных циклов.

Сейчас он ожил.

Внутри латунного корпуса со скрежетом провернулись массивные барабаны. Зазвенели натянутые тросы, застре-

котал автоматический стилус, вгрызаясь в широкую полосу контрольного пергамента.

Механизм не просто отмечал запрос. Он захлёбывался собственным движением, выбрасывая фут за футом испи-санную ленту.

Мы подошли к колонне почти одновременно. Эран дви-гался тяжело, волоча ногу, но взгляд его был прикован к смотровому окошку стойки.

Сквозь мутное стекло было видно, как железное перо с чудовищной скоростью выбивает в бумаге строки, вытащен-ные из тринадцатилетнего забвения.

Чернила были багровыми — цвет экстренного розыска особых государственных преступников.

«Восстановление аннулированной записи тринадцатого года. Дело номер ноль-четыре-восемь-два. Субъект: Эран Вейр. Чин: старший дознаватель Чрезвычайного присут-ствия. Статус: лишён гражданских прав, подлежит немед-ленной изоляции по ордеру Первой канцелярии».

Строка за строкой. Имя, стёртое из мироздания, возвра-щалось в плоть и кровь закона.

И прежде чем мы успели отступить на шаг, высоко над нашими головами — не в архиве, а на внешних ярусах Пала-ты и в караульных казармах Северного двора — протяжно, хрипло запел сигнальный рог.

Пять коротких, отрывистых ударов.

Сигнал высшей тревоги дворцовой сотни.

Капитан Дамир Рен получил приказ. Государственная машина признала призрака живым человеком — и спустила на него всех псов королевства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.